

*Только любовь и дружба скрашивают одиночество
наших дней. Счастье – не данность, за него надо
постоянно бороться. И думаю, когда оно приходит,
важно уметь его принять.*

Орсон Уэллс

Он родился 14 сентября 1974 года в восемь часов утра в точке с координатами $15^{\circ}30'$ северной широты и 65° западной долготы. Его колыбелью стал маленький островок неподалеку от берегов Гондураса. На новорожденного, зарегистрированного под номером 734, поначалу никто не обратил внимания. Первые два дня своей жизни он развивался при полном всеобщем равнодушии. Его жизненные параметры оставались стабильными и не давали повода беспокоиться о его развитии. С ним обходились точно так же, как и с любым подобным малышом. Согласно обычной процедуре, его данные фиксировались каждые шесть часов. 16 сентября в 14 часов дня результатами его анализов заинтересовалась группа ученых в Гваделупе. Их озадачил рост малютки, выходявший за пределы нормы. К вечеру того же дня руководитель группы, которой было поручено наблюдать за развитием крохи, уже не мог

скрыть своей обеспокоенности и связался с американскими коллегами. Происходило нечто чрезвычайно важное: в состоянии малыша происходили кардинальные изменения, и это требовало внимания всего человечества. Плод союза холода и жары начал проявлять свой опасный характер. Если его сестричка Элейн, родившаяся в апреле того же года, прожила лишь одиннадцать дней, так и не набрав достаточной силы, то этот младенец, напротив, рос с удручающей быстротой и всего за два дня достиг весьма тревожных размеров. На исходе третьего он закрутился волчком. Он вертелся на месте, все резвее и резвее, как будто никак не мог решить, куда ему дальше податься.

В два часа ночи с 16 на 17 сентября профессор Хак наблюдал за подопечным при свете одинокой неоновой лампы и, склонившись над столом, заваленным листами с колонками цифр и какими-то графиками, удивительно похожими на кардиограммы, принял решение как можно скорее окрестить младенца в связи с его угрожающим состоянием, как будто таким образом можно предотвратить надвигающееся несчастье. Учитывая поразительные видоизменения малыша, рассчитывать, что дело только этим и ограничится, не приходилось. Имя было выбрано заранее, задолго до его рождения. Его решили назвать Фифи. Он вошел в историю 17 сентября 1974 года в восемь часов утра, когда его скорость превысила скорость 120 км/ч. Тогда-то его официально зарегистриро-

вали метеорологи CDO¹ в Пуента-Питре и их коллеги из NHC² в Майами как ураган первого класса по шкале Саффира – Симпсона. В последующие дни он очень быстро сменил класс, перескочив во второй, к вящему ужасу изучавших его профессоров. В 14 часов Фифи уже развивал скорость 138 км/ч, а к вечеру дошел до 150. Но наибольшую тревогу вызывало его опасно изменившееся местоположение. Теперь он находился на 16°30' северной широты и 81°70' западной долготы. И тогда была объявлена тревога. 18 сентября в два часа ночи он приблизился к побережью Гондураса, обрушив на северный берег шквальные порывы ветра, достигавшие скорости 240 км/ч.

---

¹ Центр изучения ураганов.

² Национальный центр изучения ураганов.

Аэропорт Ньюарка. Такси, высадив ее на тротуаре, растворилось в потоке автомобилей, заполнявшем пространство вокруг терминалов. Она проводила машину взглядом. Огромный зеленый рюкзак, стоявший у ее ног, весил чуть ли не больше ее самой. Поморщившись, она подняла его и вскинула себе на плечи. Миновала двери терминала номер один, прошла по залу и спустилась вниз на несколько ступенек. Справа от нее спиралью уходила вверх другая лестница. Сгибаясь под тяжестью рюкзака, она поднялась по ступенькам и решительно двинулась по коридору. Остановилась у бара, освещенного оранжевым светом, и через стекло заглянула внутрь. Возле стойки с десятков мужчин потягивали пиво, бурно обсуждая результаты матчей, которые мелькали на экране телевизора, висящего у них над головой. Толкнув деревянную дверь с круглым окошком-иллюминатором, она вошла и окинула взглядом красные и зеленые столики.

И увидела его: он сидел в глубине зала, у самого окна. Перед ним на столе лежала газета, а он, опершись подбородком о правую руку, левой что-то рисовал карандашом на бумажной скатерти.

Его глаза, невидимые ей, были обращены к бетонному полю, расчерченному желтыми линиями разметки, куда неспешно выруливали самолеты, готовившиеся к разбегу перед взлетом. Поколебавшись, она двинулась по проходу справа, чтобы подойти к нему незаметно. Проскользнув мимо гудящего холодильника, быстро и бесшумно подошла вплотную к ожидавшему ее молодому человеку и, коснувшись затылка, легонько взъерошила ему волосы. На бумажной скатерти красовался ее портрет.

— Ты долго меня ждешь? — спросила она.

— Брось, ты почти вовремя. Вот скоро мне действительно придется долго тебя ждать...

— И сколько же ты здесь сидишь?

— Понятия не имею. Ты такая красивая! Да сидись же!

Улыбнувшись, она посмотрела на часы:

— Через час я улетаю.

— Сделаю все, чтобы ты опоздала! Чтобы никогда не попала на этот чертов рейс!

— Тогда я отчаливаю отсюда через две минуты, — заявила она и опустилась на стул.

— Ладно, обещаю, больше не буду. Смотри, что я тебе принес.

Он достал черный пластиковый пакет, положил на стол и пальцем пододвинул к ней. Она наклонила голову набок, в свойственной ей манере

спрашивая: “Что это?” Прекрасно понимая ее мимику, он ответил глазами: “Открой”. В пакете лежал маленький фотоальбом.

Он открыл его. Первая черно-белая фотография: лицом к лицу, положив руки друг другу на плечи, стоят два двухлетних малыша.

— Самый старый наш снимок, который я сумел отыскать, — пояснил он. Перевернул лист и продолжал: — Вот на этой мы с тобой в Новый год, не помню какой, но нам тут и десяти еще нет, это точно. По-моему, это тот год, когда я подарил тебе мой крестильный образок.

Сьюзен расстегнула пуговичку на блузке и достала висящий на цепочке медальон с изображением святой Терезы, с которым никогда не расставалась. Перевернув еще несколько страниц, Сьюзен перебила Филипа:

— А тут нам по тринадцать, это в саду твоих родителей. Я только что тебя поцеловала, и не только губами, а языком, и ты мне сказал: “Какая гадость!” Это был наш первый поцелуй. А вот здесь мы двумя годами позже, и тут уже я сочла отвратительным твое предложение спать вместе.

На следующей странице Филип снова перехватил инициативу:

— Зато год спустя, после вот этой вечеринки, если память мне не изменяет, ты уже вовсе не считала это отвратительным.

Каждый квадратик глянцевой бумаги хранил в себе частичку их общего детства. Сьюзен оставила Филипа:

— Ты проскочил целых полгода. Разве нет фотографий с похорон моих родителей? А ведь именно тогда, как мне кажется, я сочла тебя страшно сексуальным!

— Ну и шутки у тебя, Сьюзен!

— А я не шучу. Да, тогда я почувствовала, что ты сильнее меня, и это очень меня поддержало. Знаешь, я никогда не забуду...

— Перестань...

— ...что ты сходил и принес мамино обручальное кольцо во время службы.

— Ладно, может, сменим тему?

— По-моему, именно ты каждый год напоминал мне о печальной дате. И на целую неделю становился таким внимательным, заботливым и предупредительным.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом?

— Валяй, переворачивай страницу, будем стариться дальше.

Он замер и посмотрел на нее потемневшими глазами. Улыбнувшись, она продолжила:

— Я знала, что это эгоизм с моей стороны — позволять тебе провожать меня.

— Сьюзен, зачем ты это делаешь?

— Чтобы мечта стала реальностью. Я не хочу закончить как мои родители, Филип. Всю свою жизнь они только и делали, что выплачивали кредиты. Чего ради? Чтобы погибнуть, врезавшись в дерево на только что купленной классной тачке? Вся их жизнь уместилась в две секунды вечерних новостей, которые я смотрела по отличному, правда еще не оплаченному, телеку. Я никого и ни за

что не осуждаю, Филип, но я хочу другого, ведь, забывая о людях, я чувствую себя живой.

Он растерянно глядел на нее, восхищаясь ее решимостью. После несчастного случая она изменилась, словно ее годы пронеслись галопом, как карты, которые для быстроты сдают по две. Сьюзен уже не выглядела на свои двадцать один — разве что когда улыбалась. Правда, улыбалась она часто. Закончив начальный курс в колледже и получив диплом художественного училища, она вступила в Корпус мира, гуманитарную организацию, отправляющую молодежь в бедствующие страны для оказания помощи.

Менее чем через час она на два долгих года улетит в Гондурас. За несколько тысяч километров от Нью-Йорка, по другую сторону экватора.

На берегах залива в Пуэрто-Кастилье, да и в Пуэрто-Кортесе тоже, все жители, намеревавшиеся провести ночь под открытым небом, отказались от этой затеи. К концу дня поднялся ветер, он дул все сильнее и сильнее. Никто особенно не беспокоился: не в первый и не в последний раз надвигался тропический ураган. Все давно привыкли к ливням, частым в это время года. Казалось, день угас раньше обычного, и птицы все куда-то попрятались — верный знак грядущей непогоды. Ближе к полуночи взметнулись в воздух клубы песка, повиснув над землей темной тучей. Волны стремительно нарастали, заглушая крики людей, закреплявших лодки у причалов. Небо рассекали

вспышки молний, а кипящая белой пеной вода опасно кренила и раскачивала понтоны. Под натиском волн суда с треском ударялись друг о друга. В 2 часа 15 минут тридцатипятиметровое грузовое судно “Сан-Андреа” было выброшено на рифы, в его борту по всей длине образовалась пробоина, и оно затонуло всего за восемь минут. В это же время в Эль-Голасоне, маленьком аэропорту Ла-Сейбы, серебристо-серый DC3, стоявший возле ангара, внезапно поднялся в воздух и приземлился у башни, где размещалась диспетчерская служба. Пилота на борту не было. Оба пропеллера погнулись, а корпус самолета разломился пополам. А еще несколькими минутами позже завалился набок грузовик-цистерна, и от искры вспыхнуло горючее.

Филип накрыл рукой руку Сьюзен, перевернул и погладил ее ладонь.

— Я буду очень по тебе скучать, Сьюзен.

— Я тоже... очень.

— Я горжусь тобой, хотя мне и не нравится, что ты вот так меня бросаешь.

— Замолчи, мы ведь договорились, что обойдемся без нытья.

— Не требуй невозможного!

Склонившись друг к другу, они почувствовали, как грусть расставания примешивается к счастью девятнадцатилетней дружбы, вместившей в себя почти всю их жизнь.

— Ты пришлешь мне весточку? — спросил он тоном маленького мальчика.

— Нет!

— Будешь мне писать?

— Интересно, у них здесь есть мороженое?

Обернувшись, он позвал официанта. Тот подошел, и Филип попросил принести два шарика ванильного мороженого, посыпанные миндалем, политые жидким шоколадом и карамелью. Именно такое мороженое больше всего любила Сьюзен, предпочитая его всем десертам на свете.

Сьюзен взглянула ему в глаза:

— А ты?

— Напишу, как только у меня будет твой адрес.

— Я не об этом. Ты решил, чем будешь заниматься?

— Два года в “Купер Юнион”¹, а потом попытаюсь сделать карьеру в каком-нибудь крупном рекламном агентстве.

— Значит, ты не поменял решения? Какую же глупость я сказала! Ты же никогда не меняешь своих решений!

— А ты? Разве ты меняешь свои?

— Ты не поехал бы со мной, предложи я тебе, потому что это не твой путь. А я не останусь здесь, потому что эта жизнь не для меня. Так что давай прекратим этот разговор.

Сьюзен с явным удовольствием поглощала мороженое и время от времени скармливала ложечку Филипу, который покорно его проглатывал. Она поскребла по дну креманки, подбирая остатки ореховой крошки. Большие часы на противопо-

---

¹ Школа искусств в Нью-Йорке.

ложной стене показывали пять — наступал вечер осеннего дня. Повисла странная тишина. Сюзен смотрела в окно, прижавшись носом к стеклу, потом оторвалась от него, перегнулась через стол, обвила руками шею Филипа и выдохнула ему в ухо:

— Знаешь, а я боюсь.

Филип чуть отодвинул ее от себя, чтобы лучше видеть лицо, и ответил:

— Я тоже.

В три часа ночи в Пуэрто-Лемпире первая девятиметровая волна смела дамбу, попавшуюся ей на пути, и обрушила на порт тонны песка и камней, почти полностью его уничтожив. Металлический кран согнулся под напором ветра, его стрела упала и проломила обшивку контейнеровоза “Рио Платано”, который тут же погрузился в бушующие воды. Еще какое-то время среди волн мелькал его устремленный к небу нос. Вскоре судно навсегда исчезло в темной бездне. В этих краях ежегодно выпадает больше трех метров осадков, и те, кому удалось пережить первые шквалы Фифи, укрывшись в глубине континента, погибли в пучине разбуженных рек, вышедших из берегов и сметавших все на своем пути. Все поселения долины были стерты с лица земли беснующимися потоками, уносившими вырванные с корнем деревья, обломки мостов, дорог и домов. В районе Лимона деревушки, угнездившиеся на склонах Амапалы, Пьедры-Бланки, Бискуампо-Гранде, Ла-Хиги и Капиро, смыло вниз, в затопленные долины. Немногие уце-

левшие люди, сумевшие ухватиться за устоявшие деревья, в течение нескольких часов тоже погибли. В 2 часа 25 минут третья волна всей своей мощью обрушилась на департамент с символичным названием Атлантида, начисто срезав часть побережья одиннадцатиметровым лезвием. Миллионы тонн воды устремились к Ла-Сейбе и Теле, пробивая себе путь по узким улочкам, теснота которых лишь усиливалась напор воды. Дома, стоявшие на берегу, дрогнули первыми: их фундамент стремительно размывало водой и они рушились один за другим. Шифер с крыш сначала взмывал вверх, а потом стремительно падал на землю, надвое рассекая тела первых жертв природной катастрофы.

Глаза Филипа скользнули к ее крепким, соблазнительно округлым грудям. Поймав его взгляд, Сюэзен расстегнула пуговку блузки и снова достала золотой медальон.

— Я ведь ничем не рискую, у меня есть твой талисман, и я с ним не расстаюсь. Один раз он уже спас меня. Благодаря ему я не села тогда в машину с родителями.

— Ты мне это уже сто раз говорила. Будь любезна, не вспоминай об этом сейчас, перед полетом, ладно?

— Как бы то ни было, — сказала она, убирая медальон, — пока он здесь, со мной ничего не случится.

Медальон был символом их духовного родства. Однажды летом они решили стать названными братом и сестрой. Эта идея подверглась всесто-

роннему изучению. Набрав в библиотеке книжек об индейцах, перечитав их во время школьных перемен, они нашли единственно верный способ осуществить задуманное. Нужно было смешать кровь, а для этого следовало что-нибудь себе порезать. Сьюзен позаимствовала у отца из стола охотничий нож, и они спрятались в шалаше Филипа. Филип протянул палец, зажмурил глаза, но, когда Сьюзен поднесла нож, у него все равно закружилась голова. Поскольку самой Сьюзен тоже было не по себе, оба снова погрузились в учебники апачей, пытаясь отыскать другое решение проблемы. *“Подношение какого-либо священного предмета в подарок подтверждает вечную связь двух душ”*, — утверждалось на странице 236.

Уточнив значение слова “подношение”, они единодушно выбрали этот вариант. На торжественной церемонии, во время которой прозвучали избранные стихи ирокезов и сиу, Филип надел свой крестильный медальон на шею Сьюзен. С тех пор Сьюзен никогда с ним не расставалась, ни разу не уступив требованиям матери снимать медальон хотя бы на ночь.

Сьюзен улыбнулась, на ее щеках появились ямочки.

— Поможешь мне с рюкзаком? Он весит тонну, а мне нужно переодеться, не то я от жары подохну, когда прилечу на место.

— Но ты и так в одной майке!

Она уже встала и тащила его за руку, жестом попросив бармена оставить столик за ними. Тот согласен кивнул: зал был практически пуст. Филип

поставил рюкзак у дверей туалета. Сьюзен повернулась к нему:

— Зайдешь? Я же говорила, что он тяжелый.

— Зашел бы, но туалет, кажется, женский?

— Ну и что? Ты теперь боишься подглядывать за мной в туалете? Войти тебе кажется сложнее, чем смотреть через перегородку, как в лицее, или через замочную скважину ванной, как у тебя дома? Заходи, не стесняйся!

Она потянула его за собой, и ему ничего не оставалось, как подчиниться. За дверью Филип с облегчением вздохнул: здесь была только одна кабинка. Сьюзен, ухватившись за его плечо, сняла туфлю и прицелилась в лампочку на потолке. Она попала в нее с первой же попытки: с сухим треском лампочка разлетелась вдребезги. В полумраке, при свете одинокого неоновом светильника над зеркалом, Сьюзен прислонилась к раковине, обняла Филипа и приникла губами к его губам. Прервав на мгновение свой бесподобный поцелуй, она с жаром прошептала ему на ухо слова, от которых у Филипа по всему телу прошла дрожь:

— Я надела твой медальон еще до того, как мои груди начали расти, и мне бы хотелось, чтобы твоя кожа подольше сохранила память о них. Я уезжаю, но не хочу, чтоб ты забыл меня, не хочу, чтоб за это время ты достался другой.

— Да у тебя, оказывается, мания величия!

Она заперла дверь.

— Не говори ничего, ласкай меня, — шептала Сьюзен. — Хочу посмотреть, чему ты научился...

Прошло довольно много времени, прежде чем они вернулись за свой столик под испытующим взглядом бармена, протиравшего стаканы.

Филип снова взял в руки ладонь Сьюзен, но ему показалось, что девушка уже где-то далеко.

На севере, в устье долины Сулы, селевые потоки сметали все на своем пути, несясь вперед с оглушающим грохотом. В ревущем месиве мелькали автомобили, трупы животных, обломки домов, а иногда и изуродованные человеческие тела. Ничто не могло устоять перед этим напором: столбы электропередачи, грузовики, мосты, заводы — все уносила с собой неудержимая сила. В считанные часы цветущая долина превратилась в озеро. Спустя много лет старожилы рассказывали, что именно красота окружающего пейзажа заставила Фифи задержаться здесь на целых два дня. Два дня, лишившие жизни десять тысяч человек — мужчин, женщин, детей; два дня, оставившие без пищи и крова шестьсот тысяч местных жителей. За сорок восемь часов маленькая страна размером со штат Нью-Йорк, втиснутая между Никарагуа, Сальвадором и Гватемалой, была сметена силой, равной трем атомным бомбам.

— Сьюзен, сколько ты там пробудешь?

— Мне в самом деле пора идти. Ты останешься здесь?